

М. П. Л Е П Е Х И Н

«ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ»

Н. И. НОВИКОВА

(Некоторые проблемы изучения)

Более двух веков отделяют нас от появления первого историко-литературного справочника, напечатанного на русском языке;¹ более века — от выхода в свет первого исследования о нем.² За это время «Опыт» неоднократно рассматривался в сводных трудах по истории русской литературы XVIII в., отечественного литературоведения, критики, библиографии и историографии. В монографических исследованиях о Новикове (А. И. Незеленов, Н. С. Тихонравов, В. А. Боголюбов, Г. В. Вернадский, Г. П. Макогоненко, Л. А. Дербов) «Опыту» уделялось немного места — композиционно он представлялся в виде переходной ступени между деятельностью Новикова-сатирика и Новикова-историка. Даже в последней монографии о Новикове,³ во многих отношениях претендующей на итоговость оценок, «Опыт» не является объектом специального рассмотрения. Исключение составляет лишь книга И. Ф. Мартынова,⁴ где относительная полнота рассмотрения «Опыта» непосредственно связана со сравнительно более узкой тематикой исследования и представляет собой тезисное изложение сделанных ранее автором выводов.⁵

Переиздание «Опыта» в собрании избранных произведений Новикова,⁶ а также публикация его сатирических сочинений, куда вошли отдельные статьи (133 из 317) «Опыта»,⁷ не могут заменить

¹ Опыт исторического словаря о Российских писателях / Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте: Опыт.

² Сухомяинов М. И. Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях // Записки имп. Академии наук. 1865. Т. 6, кн. 2. С. 230—261; Т. 7, кн. 1. С. 114—115.

³ Monnier A. Un publiciste frondeur sous Catherine II Nicolas Novikov. Paris, 1981 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Vol. 59).

⁴ Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1980.

⁵ Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века // Русская литература. 1968. № 3. С. 184—191.

⁶ Новиков Н. И. Избр. соч. / Подготовка текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1951. С. 277—370. Уточнение дат жизни отдельных писателей принадлежит П. Н. Беркову (Там же. С. XL).

⁷ Новиков Н. И. Смеющийся Демокрит / Сост. и автор вступ. статьи А. В. Западов; Примеч. В. А. Западова. М., 1985. С. 246—329.

его научного издания с постатейным комментарием; вопрос этот имеет уже более чем вековую давность,⁸ и успешное разрешение его во многом способствовало бы решению ряда проблем, неизбежно возникающих в ходе изучения «Опыта». Недостаточная изученность некоторых из них, а также сделанные ранее излишне категорические выводы и вызвали появление настоящей статьи.

Прежде всего следует остановиться на причинах появления «Опыта». Что же побудило отставного поручика «заняться приведением в порядок „литературного хозяйства“ России?»⁹ Очевидно, что говорить об анонимном лейпцигском «Известии о некоторых русских писателях» (1767)¹⁰ и об «Антидоте» Екатерины II (1770)¹¹ как об основном поводе к написанию «Опыта» нельзя. Причины появления «Опыта» были достаточно разнообразны, его можно даже рассматривать если не как своеобразное подведение итогов начавшегося в 1762 г. издательского бума, то как закономерное следствие этого процесса, сущность которого достаточно подробно и объективно объяснена А. Н. Севастьяновым.¹² «Известие» же явилось лишь внешним побудительным фактором, на что указывал и сам Новиков (Опыт. С. [11]).

Что же касается конкретного противопоставления, то представляется совершенно справедливым указание Д. Д. Шамрая на то, что «Опыт» был противопоставлен не столько «Известию», сколько «Антидоту».¹³ Написанный Екатериной II в традиционной форме «противоядия» на незадолго до того появившееся сочинение аббата Ж. Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь»,¹⁴ полного клеветнических измышлений о России, анонимно изданный «Антидот» был призван опровергнуть главный вывод недоброжелателя об отсутствии в России собственных талантливых писателей и ученых, реабилитировать русскую культуру в глазах зарубежного читателя. Екатерина II сообщила в «Антидоте» сведения о наиболее известных русских писателях, составленные, однако, крайне

⁸ См.: Отечественные записки. 1867. № 5. С. 354—378 (рецензия Н. С. Тихомирова на переиздание «Опыта» П. А. Ефремовым в «Материалах для истории русской литературы»). Ответ Ефремова см.: Там же. № 6. С. 177—180.

⁹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 171.

¹⁰ Nachricht von russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Bericht vom russischen Theater // Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste. Leipzig, 1768. Bd 7. 1-tes Stück. S. 188—200; 2-tes Stück. S. 382—388. Мы цитируем «Известие» по переводу М. И. Михайлова: Известие о некоторых русских писателях // Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. С. 129—160.

¹¹ Antidote, ou Examen du mauvais livre superlement imprimé, intitulé: Voyage en Sibirie. СПб., 1770. Т. 1—2. Мы цитируем «Антидот» по переводу П. И. Бартенева. См.: Осьмнадцатый век. М., 1869. Кн. 4. С. 225—463.

¹² Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России: (1762—1800). М., 1983.

¹³ Шамрай Д. Д. Из истории цензурного режима Екатерины II: 1762—1783: Архивно-библиографические разыскания. Л., 1947. (ГПБ, ф. 1105, № 40, л. 52—54).

¹⁴ Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibirie. Paris, 1768.

субъективно. Подтверждение конкретной направленности «Опыта» именно против «Антидота» наглядно отражено в сопоставительном анализе статей о В. П. Петрове из «Антидота», «Опыта» и статьи С. Г. Домашнева «О русских писателях».¹⁵ Однако абсолютизировать полемический пафос «Опыта» не следует прежде всего потому, что цели, которые перед собой ставили лейпцигский аноним (познакомить западноевропейского читателя с достижениями современной русской литературы) и Екатерина II (защитить русскую культуру от хулы иностранца), едва ли могли находиться в противоречии с замыслом Новикова (составить возможно более полный историко-литературный справочник). Субъективизм отдельных оценок «Известия» или «Антидота» также не может рассматриваться в качестве причины создания «Опыта». Скорее всего, роль решающего толчка сыграло то, что в отличие от лейпцигского анонима и Екатерины II для Новикова русская литература не была лишенным исторических корней детищем петровской эпохи, а представляла во всем своем многовековом историческом развитии.

В предисловии к «Опыту» Новиков объяснил его появление тем, что «все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писании прославившихся мужей», но лишь «одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погубило многих наших писателей, о которых никакого не имеем мы сведения» (Опыт. С. [11—12]). Новиков поместил в «Опыте» статьи о 54 писателях X—XVII вв.; по сравнению с «Известием» время возникновения русской литературы сместилось более чем на семь веков: от Феофана Прокоповича до летописца Нестора. Столь обширное хронологическое расширение границ истории русской литературы поколебало основную концепцию написанных с позиций просвещенного абсолютизма «Известия» и «Антидота», в которых зарождение русской литературы связывалось с деятельностью Петра I. Удар нанесен был и по утверждениям недоброжелательно настроенных к России иностранцев об отсутствии у русской литературы многовековой истории. 17 % писателей допетровской Руси от общего числа помещенных в «Опыте» — эта цифра говорила за себя достаточно красноречиво.

Другим направлением полемики «Опыта» с «Известием» явилась демонстрация всесословного характера русской литературы: если в «Известии» подавляющее большинство рассматриваемых писателей были дворянами, а трое духовных писателей принадлежали к высшему духовенству, то в «Опыте» число подобных высокопоставленных лиц не превышает 50 человек, а остальную часть словника (куда вошло 315 имен)¹⁶ составляют небогатые дворяне,

¹⁵ Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова. . . С. 189.

¹⁶ Традиционно указываемое их число 317 нуждается в пересмотре: Иоанн Кослович и В. П. Петров упомянуты дважды.

духовенство, разночинцы. Более демократична и композиция «Опыта». В начале «Известия» помещены статьи о четырех лицах, чья роль в создании русской литературы представляется автору решающей (Феофан Прокопович, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков), далее следуют два духовных деятеля (Гедеон Кривинский и Платон Левшин), а затем идут сведения об остальных 36 писателях в хронологическом порядке, не всегда, впрочем, последовательно выдержанном. В самом тексте «Известия» имеется указание на некоторую иерархичность подобной композиции — так, при характеристике И. А. Дмитриевского указано: «Его должно поставить непосредственно после Елагина» (несомненно, эта помета представляет собой маргиналию, попавшую в основной текст в ходе перевода на немецкий язык). Что же касается «Опыта», то все авторы расположены там в алфавитном порядке, невзирая на чины и литературные заслуги.

Свой замысел о необходимости сбора сведений о всех живших в России писателях Новиков последовательно претворял в жизнь: «Я старался собирать имена всех наших писателей, но при отпечатании моей книги получил я еще о многих известие, а сие самое подает мне надежду, что еще многия откроются» (Опыт. С. [14]). Источники сведений были достаточно разнообразны. Высказано предположение о том, что «Новиков не был единственным автором всех биографических очерков».¹⁷ При отсутствии документального подтверждения (прежде всего — автографа «Опыта») едва ли когда-нибудь эта гипотеза превратится в доказанный факт; тем не менее уже сейчас можно говорить о коллективном накоплении сведений и об единоличном итоговом авторском тексте «Опыта».

Что же послужило материалами для «Опыта»?

Прежде всего это были знания Новикова о современной ему русской литературе и ее главнейших деятелях; в тех же случаях, когда собственных знаний не хватало, Новиков обращался за помощью к сведущим людям. Так, много сведений о писателях, и в особенности о стихотворцах, доставил ему А. П. Сумароков¹⁸ — очевидно, именно ему принадлежат сведения о М. Г. Собакине, И. И. Шишкине и других литераторах последпетровского и елизаветинского времени. Согласно указанию П. И. Кёппена, большинство сведений об историках было предоставлено Новикову Г. Ф. Миллером, а о духовных писателях — Н. Н. Бантышом-Каменским,¹⁹ которому, как установил М. И. Сухомлинов, принадлежит, например, помещенная в «Опыте» пространная статья о его дяде — архиепископе Амвросии Зертис-Каменском.²⁰ Из

¹⁷ Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова. . . С. 190.

¹⁸ См.: Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. 2. С. 187.

¹⁹ Материалы для истории просвещения в России / Сост. П. И. Кёппен. СПб., 1819. Вып. 1. С. 30.

²⁰ Сухомлинов М. И. Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях. С. 244—246.

устных источников особо следует отметить автобиографию Ф. Эмина, сообщенную последним Новикову и составившую самостоятельную статью. В доказательство собственной непричастности к сообщению столь удивительных сведений, которые тем не менее оказались достоверными, Новиков в начале статьи упомянул об их происхождении; во всех же остальных случаях этого сделано не было. Возможно, что именно ввиду столь обширной помощи со стороны других лиц Новиков редко выносил критические оценки от своего имени, но чаще опирался на мнение «знающих людей».

Далее следует упомянуть письменные источники — как рукописные, так и печатные. Новиков был достаточно хорошо знаком с отечественными рукописными памятниками, собранными в библиотеке Академии наук в Петербурге: именно благодаря изучению хранящихся там рукописей он смог сообщить сведения о таких древнерусских писателях, как Иосиф Волоцкий, Кирилл Белозерский, Карион Истомин, митрополит Адриан, Авраам Палицын, Андрей Лызлов, Юрий Крижанич, а также о деятелях петровской и елизаветинской эпохи — А. С. Шеине, В. И. Геннине, Симоне Тодорском, М. Котельникове, И. А. Шлаттере, П. Крекшине, И. Рассохине, И. Унковском, В. Шишкове; эта сторона деятельности Новикова вскоре нашла свое продолжение в «Сокровище российских древностей» и «Древней российской вивлиофике». Как показала Г. Н. Моисеева,²¹ существенную помощь Новикову в его исторических изысканиях оказывали А. И. Богданов, М. В. Ломоносов, И. С. Барков и С. С. Башилов. Если о прямом сотрудничестве этих лиц в «Опыте» говорить нельзя (они скончались соответственно в 1766, 1765, 1768 и 1770 гг.), то участие М. М. Щербатова, знакомого с Новиковым с 1767 г., можно предположить с большой долей уверенности.

Современная Новикову рукописная литература также не была обойдена его вниманием. «Именно желанием представить как можно разнообразнее и интереснее участие „народа“ в создании русской литературы и объясняется то, что Новиков перечислил в своем „Словаре“ тех писателей, которые не выступили со своими печатными работами и ограничивались только одними рукописями. Впрочем, может быть, для того времени грань между печатной и рукописной литературой не была столь резкой, как впоследствии».²² Новиков сообщал не только об авторах широко распространенных рукописных сочинений, например о И. С. Баркове, но и о писателях малоизвестных. Ряд сведений «Опыта» в настоящее время имеет характер первоисточника — это либо имена тех, чьи рукописи давно утрачены (например, Н. В. Раздеришин), либо даже сами тексты (стихи И. Рудакова); Новиков крайне сожалел, что к моменту составления «Опыта» уже были утеряны стихи Ф. Г. Волкова.

²¹ Моисеева Г. Н. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 276—293.

²² История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 93.

Не подлежит сомнению то, что Новиковым была просмотрена большая часть современной ему печатной литературы. Так, заметка об И. Ильинском почти дословно была заимствована Новиковым из статьи В. К. Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворстве российском».²³ Краткие сведения об авторах Новиков брал из изданий их сочинений, однако сопоставительный анализ показывает, что далеко не все они были просмотрены им *de visu*: так, характеризуя одописца И. Селецкого, Новиков не отметил того, что поэт являлся также и торопецким купцом, в то время как сведения об этом содержатся на титульном листе обоих изданий его оды. Если бы он описывал это издание *de visu*, то не преминул бы упомянуть еще об одном талантливом человеке из «третьего сословия». Подобные примеры не единичны. Имеющиеся в «Опыте» сведения о таких современных Новикову третьестепенных литераторах, как И. Верещагин, И. Грачевский, И. Грепищев, П. Денбовцев, П. Жуков, А. Иваненко, У. Михайловский, А. Назарьев, А. Перепечин, Вас. Приклонский, М. Прокудин, В. Романов, И. Стефанович, ректор Новгородской семинарии Транквиллин, А. Тиньков, Ф. Харитоновский, В. Чертков, Ф. Юдин и другие не содержат, как правило, ничего нового по сравнению с помещенными на титульных листах их сочинений (а зачастую не включены даже эти сведения).

В показе богатого исторического прошлого и общенационального характера русской литературы состоит коренное отличие «Опыта» от «Известия» и «Антидота»; на фоне всеобщих доброжелательных оценок разница в конкретных характеристиках творчества отдельных писателей не сразу бросается в глаза (за исключением В. П. Петрова). Всех исследователей неизменно удивляла чрезмерная благожелательность большинства критических отзывов Новикова. «Но как критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и поистине может почитаться душою сего тела, то и испрашиваем мы у просвещенных нашея публики, да позволится нам вольность благодарных критики. Не желание осуждать деяния других нас к сему побуждают, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благо-разумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаться полная умеренность и что она с великой строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лицо, не будет иметь места < . . . > но единственно будем говорить мы о книгах, не касаясь нимало до писателей оных»,²⁴ — так писал Новиков пять лет спустя, но те же принципы были им уже

²³ Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Июнь. С. 490.

²⁴ Санктпетербургския ученыя ведомости на 1777 год Н. И. Новикова / Изд. А. Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 5—6.

положены в основу построения системы критических оценок в «Опыте».

В. Г. Белинский рассматривал «Опыт» Новикова как «богатый факт собственно литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать в историческом обзоре русской критики». ²⁵ Тем не менее Белинский, довольно сдержанно отозвавшийся о содержащихся в «Опыте» критических оценках, все же оказался наиболее доброжелательно настроенным исследователем, ибо мнение о неспособности Новикова к строгости суждений было распространено уже при жизни последнего. ²⁶ М. И. Сухомлинов, впервые предложивший различать фактографическую и критическую стороны «Опыта», признавая огромную ценность первой, про вторую писал: «Мягкость отзывов, доходящая до бесцветности, происходила не от недостатка таланта или энергии в отношении к разбираемому предмету», объясняя это тем, что «личное убеждение сохранять память литературных деятелей и не омрачать их укоризнами» ²⁷ было главным для Новикова. Действительно, с последним трудно не согласиться при чтении его похвальных отзывов о сочинениях, оставшихся ему неизвестными: «О сей истории ничего заключительного сказать не можно, потому что она мне неизвестна. Впрочем, за труд сей превеликой достоин похвалы» (Опыт. С. 150); «Сказывают, что сочинил он трагедию и начал писать Российскую историю, и которые, по известиям, весьма хороши, но он их в свет не выдал» (Опыт. С. 205). Окончательный же приговор критическим оценкам Новикова был произнесен А. И. Незеленовым: «Литературная критика — единственная точка, на которой Новиков стоит не выше своего поколения». ²⁸

Преимущественная доброжелательность составителя «Опыта» объясняется прежде всего его намерением представить русскому читателю в возможно более полном и беспристрастном виде многое сверх того, что читатель европейский уже получил в кратком и пристрастном изложении. Подчеркнутая нейтральность характеристик была обусловлена не только патриотизмом Новикова и его желанием на лучших образцах воспитывать молодых литераторов, но и справочным характером издания. Следует отметить, что доброжелательность как основу критики исповедовал в то время не один Новиков. ²⁹

Очень важное замечание было высказано в свое время П. Н. Берковым: «В кажущемся однообразии похвальных оценок Новикова есть своя система, и достаточно последовательная». ³⁰ Но эта си-

²⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1955. Т. 6. С. 321.

²⁶ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 16.

²⁷ Сухомлинов М. И. Н. И. Новиков, автор исторического словаря о русских писателях. С. 235—236.

²⁸ Незеленов А. И. Н. И. Новиков — издатель журналов 1769—1785 годов. СПб., 1875. С. 176.

²⁹ Ср.: Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII века. Григорий Леонтьевич Брайко // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 232—235.

³⁰ История русской критики. Т. 1. С. 93.

стема была рассмотрена ученым лишь применительно к драматическим произведениям. П. Н. Берков также разделил на четыре группы основные категории оценок «слога»: 1) оценки, относящиеся к характеристике «чистоты» «слога» и «стихотворства», т. е. к степени стилистической выдержанности, степени точности соблюдения правил стилового комбинирования церковнославянского и русского языков в литературной практике, — *чистый, исправный*; 2) оценки содержательности и значительности тематики произведений, находящихся свое выражение в «стиле» и «слоге» — *твердый, важный*; 3) оценки степени соответствия «слога» содержанию произведения: в случае удачного разрешения этой сложной проблемы Новиков определял «слог» как *текущий, свободный, плавный или гладкий* (в сторону понижения соответствия); 4) оценки собственно вкусового характера, т. е. характеризующие впечатление, производимое «слогом» воспринимаемого произведения, — *изрядный, весьма изрядный, приятный, нежный*; последнее определение должно было означать наивысшую оценку.

К сожалению, проведенный П. Н. Берковым филигранный критический анализ «слога» не был им применен к системе критических оценок сочинений. Исследователь писал: «Если можно в чем упрекнуть Новикова, так это в сравнительно небольшом количестве определений, применявшихся им в различных случаях; всего этих определений не более 20, и потому получается впечатление однообразия и даже бедности критического словаря Новикова». ³¹ Действительно, при чтении «Опыта» поражает однообразие критических оценок: *изрядное, весьма много похваляется, не худое, весьма изрядное, довольно похваляется знающими людьми, опять изрядное, еще раз изрядное* и т. д. Однако эти же оценки, расположенные в определенном порядке, дают довольно любопытную картину их конкретного употребления. Все они могут быть разделены на две группы: 1) собственная оценка сочинения Новиковым; 2) какой меры похвалы это сочинение достойно. При всей своей условности такое деление позволяет отнести к первой группе 19 определений, ко второй — 45 определений.

Вопрос о построении Новиковым в «Опыте» законченной системы критических оценок крайне важен, ибо с ними приводятся сведения о 187 авторах (что составляет 59 % от общего их числа); как правило, оценки достаиваются современники Новикова. Произведенные подсчеты свидетельствуют о том, что Новиков был очень тонким стилистом и всячески старался избегать повторения одинаковых определений:

- единичное употребление — 31 определение;
- употребляется 2—3 раза — 18 определений;
- употребляется 4—10 раз — 9 определений;
- употребляется более 10 раз — 3 определения.

Наличие определенной системы можно видеть и в конкретных определениях, данных сочинениям четырех литературных про-

³¹ Там же.

тивников Новикова: «не весьма удачны» (Ф. Я. Козельский), «вообще достойны похвалы» (В. Г. Рубан), «приняты довольно изрядно» (В. И. Лукин), «некоторыми много похваляются» (В. П. Петров); в них Новиков применил сочетание двух излюбленных словесных элементов своих определений, причем нетрадиционностью сочетания их друг с другом (например, *много похваляются и некоторыми*) резко снижал итоговый уровень оценки.

В пользу выдвинутого нами предположения о своеобразной иерархичности «Опыта» говорит и один мелкий, но заслуживающий внимания факт: определением *преизрядное* помечено 4 медицинских сочинения (С. Леонтович, Ф. Тихорский, С. Фиалковский, А. Шафонский), медицинские же сочинения остальных авторов в (М. Крутень, К. Режалин, И. Тимковский, М. Трохимовский) вообще даны без каких-либо оценок, что может свидетельствовать о сознательном вычленении этих произведений Новиковым из созданной им системы литературно-критических оценок.

Если система критических оценок сочинений в основном отталкивается от двух первичных определений *изрядное* и *достойно похвалы*, то наиболее расхожими определениями качеств сочинителей являются *острый* и *ученый*. Соотнесение большинства определений друг с другом указывает на преимущественное стремление к окказиональности каждой конкретной оценки, чем достигается точность соответствия конкретной характеристики определяемому лицу: «человек острый и отважный» (И. С. Барков), «острый и словесный человек» (П. Буслаев), «праводушный и добронравный муж, друг нелицемерный» (И. Ильинский). Для лиц, особо чтимых Новиковым, употребляются сложные построения, призванные с самого начала убедить читателя в необходимости особого уважения к данному автору: «муж высокого ума, острого разсуждения, твердой памяти и добродетельного жития, искусный в физике и математике, а наипаче всего ревнитель к пользам России» (Я. В. Брюс); «муж великого, обымчивого и пронцательного разума», «основательного и здравого разсуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг» (Ф. Г. Волков).

Воспитательное предназначение «Опыта» по-разному проявлялось на его страницах. Уже в самом начале большинства статей приводится обстоятельное перечисление достоинств рассматриваемого автора: *человек ученый и просвещенный, муж острый и ученый, муж разумный и просвещенный, человек ученый и благоразумный* и т. д. После подобной характеристики обычно следовало указание на ту область знания, в которой сочинитель *был искусен* — как правило, в иностранных языках. Следует отметить, что и в оценке достоинств самого сочинителя так же, как и в определениях, относящихся к качеству его сочинений, можно наблюдать своеобразное иерархическое построение, низшей ступенью которого явилось помещение имени автора без какой-либо последующей оценки, если далее особо не оговаривалось, что сведения об авторе Новикову известны не были. Так, например, в заметке о П. А. Алек-

сеев Новиков подчеркнуто воздержался от характеристики его самого и его трудов, ограничившись их перечислением. Преднамеренность подобного поступка очевидна при сопоставлении данной статьи со статьёй об Д. С. Аничкове, полной восторженных отзывов о личности и сочинениях последнего. С именем Аничкова традиционно связывается диссертация «Разсуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», подвергшаяся преследованиям именно вследствие доноса Алексея; сама же диссертация определяется в «Опыте» как «сочинение, весьма много похваляемое за свободное и важное сей материи объяснение» (Опыт. С. 13).

В какой же степени критические оценки «Опыта» соответствовали мнению «знающих людей»? На этот вопрос можно попытаться ответить, сопоставив отзывы Новикова с более ранними рецензиями на труды рассматриваемых авторов. В предшествовавшей «Опыту» периодике библиографический отдел имелся лишь в двух изданиях — в «Собрании лучших сочинений» (1762) и в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» (существовал лишь в 1763—1764 гг.). На труды упоминаемых в «Опыте» лиц в первом журнале была опубликована одна рецензия (И. Г. Рейхеля на перевод Д. И. Фонвизиним романа Ж. Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа»).³² Во втором журнале были даны отзывы на сочинения и переводы Д. С. Аничкова, И. С. Баркова, В. Ф. Братищева, Гавриила Шапошникова, А. Д. Кантемира, Ф. Я. Козельского, М. В. Ломоносова, В. И. Лукина, А. А. Нартова, С. Я. Румовского, П. И. Рычкова, Ф. И. Соимонова, В. К. Тредиаковского, Д. И. и П. И. Фонвизиных, М. М. Хераскова, И. А. Шлаттера, Ф. Эмина. Список имен хоть и невелик, но достаточно представительен.

Явно неодобрительные оценки на страницах «Ежемесячных сочинений» отсутствуют.

На фоне общей благожелательной информативности отзывов можно выделить рецензию на «Нравоучительные басни» Ф. Эмина: «Прежде господин Эмин думал забавлять свет похождениями, а ныне к пользе нравоучительной больше приближался, написав басни, и к каждой приобщив учительное наставление. Трудолюбие и легкость писания господина Эмина обещает ему много полезных переводов российскому обществу»,³³ а также сухую заметку о выходе 9-го тома «Римской истории» Ш. Роллена в переводе Тредиаковского: «Из новых книг, при Академии наук напечатанных, нет важней Римской истории».³⁴ Также следует остановиться на отзыве о «Начальных основаниях металлургии» Ломоносова, в котором этот труд сравнивается с работами зарубежных ученых и делается следующий вывод: «. . . и то не меньше хвалы достойно,

³² Об этой рецензии см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 152—154.

³³ Ежемесячные сочинения. . . 1764. Сентябрь. С. 276.

³⁴ Там же. Март. С. 264—265.

если кто, умеющий избирать полезнейшие из иностранных книг, оные сообщает Российским согражданам своим, и всякого, хотя и не ученого, о предлагаемом некотором понятие себе доставить приглашает < . . . > Надлежит себе представить, как то и титул показывает, что здесь описываются только первые основания весьма пространной науки, которая каждая часть составляет из иностранных писателей больше книги». Далее следует пересказ оглавления.³⁵ Новиков же в «Опыте» рассматривает Ломоносова и Тредиаковского как выдающихся деятелей русской литературы; исключительно теплый отзыв дан и об Эмине.

В какой мере руководствовался Новиков при написании «Опыта» большим количеством самых разнообразных библиографических сведений на страницах «Ежемесячных сочинений»? Все, что относилось к истории русской литературы, было им учтено; что же касается сведений о произведениях нелитературного характера и переводов, принадлежавших упоминаемым в «Опыте» авторам, то Новиков, как правило, пренебрегал теми точными библиографическими сведениями, которые сообщал журнал. Тем не менее в некоторых случаях данные на страницах «Ежемесячных сочинений» и «Опыта» сведения и оценки совпадают почти дословно.³⁶ Однако эти сведения настолько кратки, а оценки настолько общи, что их мог сделать и сам Новиков, без посредства «Ежемесячных сочинений» (ср., например, статью о В. Братищеве).³⁷

Отличие «Опыта» от всех ему предшествовавших и последовавших за ним словарей писателей состоит в том, что автор использовал его для полемики против своих литературных противников, среди которых находилась и сама российская императрица.

Имя Екатерины II не было включено Новиковым в словник «Опыта». Вопрос о причине подобного пропуска впервые был поднят Г. П. Макогоненко,³⁸ однако предложенная им аргументация «дерзкого акта» Новикова вызвала разноречивые отклики.³⁹ Противоположная точка зрения была сформулирована А. В. Западным: «В XVIII веке уравнивание в одном ряду ее императорского величества и наборщика академической типографии, безвестного семинариста и бывшего турецкого подданного, каким был, например, Федор Эмин, не могло придти в голову составителю, пусть в этой роли выступал и отважный Николай Новиков».⁴⁰

³⁵ Там же. 1763. Ноябрь. С. 454—459.

³⁶ Выше уже отмечалось, что ряд сведений о поэтах первой половины XVIII в. был почти дословно заимствован Новиковым из статьи Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворстве российском».

³⁷ Ср., например: Ежемесячные сочинения. . . 1763. Сентябрь. С. 267 и Опыт. С. 18.

³⁸ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. С. 177—181.

³⁹ Ср.: Гудзий Н. К. Книга о русском просветителе XVIII века // Большевик. 1951. № 21. С. 72; Плотников М. И. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова как одна из первых работ русской критики XVIII века // Учен. зап. Тульского пед. ин-та. 1953. Вып. 4. С. 197.

⁴⁰ Запад А. В. Новиков. М., 1968. С. 102.

естьли кто, умеющий избирать полезнейшие из иностранных книг, оные сообщает Российским согражданам своим, и всякого, хотя и не ученого, о предлагаемом некотором понятии себе доставить приглашает < . . . > Надлежит себе представить, как то и титул показывает, что здесь описываются только первые основания весьма пространной науки, которая каждая часть составляет из иностранных писателей больше книги». Далее следует пересказ оглавления.³⁵ Новиков же в «Опыте» рассматривает Ломоносова и Тредиаковского как выдающихся деятелей русской литературы; исключительно теплый отзыв дан и об Эмине.

В какой мере руководствовался Новиков при написании «Опыта» большим количеством самых разнообразных библиографических сведений на страницах «Ежемесячных сочинений»? Все, что относилось к истории русской литературы, было им учтено; что же касается сведений о произведённых нелитературного характера и переводов, принадлежавших упоминаемым в «Опыте» авторам, то Новиков, как правило, пренебрегал теми точными библиографическими сведениями, которые сообщал журнал. Тем не менее в некоторых случаях данные на страницах «Ежемесячных сочинений» и «Опыта» сведения и оценки совпадают почти дословно.³⁶ Однако эти сведения настолько кратки, а оценки настолько общи, что их мог сделать и сам Новиков, без посредства «Ежемесячных сочинений» (ср., например, статью о В. Братищеве).³⁷

Отличие «Опыта» от всех ему предшествовавших и последовавших за ним словарей писателей состоит в том, что автор использовал его для полемики против своих литературных противников, среди которых находилась и сама российская императрица.

Имя Екатерины II не было включено Новиковым в словарь «Опыта». Вопрос о причине подобного пропуска впервые был поднят Г. П. Макогоненко,³⁸ однако предложенная им аргументация «дерзкого акта» Новикова вызвала разноречивые отклики.³⁹ Противоположная точка зрения была сформулирована А. В. Западным: «В XVIII веке уравнивание в одном ряду ее императорского величества и наборщика академической типографии, безвестного семинариста и бывшего турецкого подданного, каким был, например, Федор Эмин, не могло придти в голову составителю, пусть в этой роли выступал и отважный Николай Новиков».⁴⁰

³⁵ Там же. 1763. Ноябрь. С. 454—459.

³⁶ Выше уже отмечалось, что ряд сведений о поэтах первой половины XVIII в. был почти дословно заимствован Новиковым из статьи Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворстве российском».

³⁷ Ср., например: Ежемесячные сочинения. . . 1763. Сентябрь. С. 267 и Опыт. С. 18.

³⁸ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. С. 177—181.

³⁹ Ср.: Гудзий Н. К. Книга о русском просветителе XVIII века // Большевик. 1951. № 21. С. 72; Плотников М. И. «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова как одна из первых работ русской критики XVIII века // Учен. зап. Туйского пед. ин-та. 1953. Вып. 4. С. 197.

⁴⁰ Запад А. В. Новиков. М., 1968. С. 102.

Содержащиеся в «Опыте» отзывы о Екатерине II были полны внешней почтительности: «Ныне наступило то время, в которое неуспынным попечением премудрая наша императрица исправляются погрешности предков наших. Под благополучным владением Екатерины Великая Россия вступила на такой степень величества, что все иностранные народы щастию ея завиствуют и удивляются» (Опыт. С. [14]; см. также стихи Рудакова — Опыт. С. 194). Свидетельства спора Новикова с Екатериной II следует искать не в отсутствии попытки сознательного нарушения литературного этикета, какой явилось бы включение имени императрицы в словник «Опыта», а в тех методах скрытой полемики, которая с ней велась на его страницах.

Примененные Новиковым формы полемики отличались разнообразием: это и продолжение начатой ранее на страницах «Смеси» прямой полемики (отзыв о В. П. Петрове), и упоминание запрещенного имени (Арсений Мацеевич), и похвальный отзыв о сочинении, вызвавшем преследования со стороны Синода (Д. С. Аничков). Вопрос о «случайной» поэзии был выражением гражданской позиции Новикова-критика и в плане скрытой полемики с Екатериной II может рассматриваться с большой долей условности, тем более что прямо полемизирует с «Антидотом» лишь отзыв о В. П. Петрове.

Внимание авторов всех посвященных «Опыту» работ неизменно останавливалось на статье о В. П. Петрове, однако идейная направленность ее привлекала их более, чем мастерство Новикова-полемиста,⁴¹ хотя вполне вероятно, что именно в двучленном построении этого отзыва и был заключен основной заряд новиковской сатиры. Екатерина II так отзывалась о Петрове: «Сила поэзии этого юного автора уже приближается к силе Ломоносова, но у него более гармонии; слог его в прозе исполнен красноречия и приятности».⁴² Статья же Новикова подчеркнута отталкивалась от этой оценки: «Петров Василий — титулярный советник и при кабинете ее императорского величества переводчик, много писал стихов, из которых „Ода на карусель“, поэма „На победу российского воинства“, оды „На победу российского флота на Хиосе в Морее“ и „На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова“; также письма к генерал-майору и кавалеру Потемкину так, как и другие его оды, эпистолы, надписи, случайные стихи некоторыми много похваляются и напечатаны в различных годах в Санктпетербурге. Он перевел с латинского на российский

⁴¹ См., например: *Шляпкин И. А.* Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736—1799): (По новым данным) // Исторический вестник. 1885. № 11. С. 391—393; *Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. С. 179—180; Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 112—113. Наиболее же показателен в данном отношении раздел «Новиков и Петров» в кн.: *Monnier A.* Un publiciste frondeur sous Catherine II Nicolas Novikov. P. 341—343.

⁴² Осьмнадцатый век. Кн. 4. С. 128.

язык Вергилиевой *Енеиды* первую песнь, которая также напечатана. Вообще, о сочинениях его сказать можно, что он напрягается идти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют его уже вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важнаго какого-нибудь сочинения и после того только заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова» (Опыт. С. 162—163). Хотя проведенный И. Ф. Мартиновым сопоставительный анализ и показал, что отзыв Новикова о Петрове был направлен именно против «Антидота»,⁴³ все же начало полемики следует отодвинуть на год ранее — в 1769 г. в журнале «Смесь» был помещен следующий довольно прозрачный отзыв: «Некоторый господин пуще всего избаловал известного нам умника, сказав, что он больше имеет способностей, нежели известный нам лирик. Но я смело скажу, дай Боже, чтоб сей господин мог порядочно разуметь того лирика, не только определять цену его знанию, но и его аттестовать; по-моему, сходнее сказать, что муха равна со слоном, нежели сравнить нескладныя и на удачу писанныя его сочинения с одами славнаго нашего стихотворца».⁴⁴ Если «вопрос о том, кому принадлежит „Смесь“ и кто был ее издателем, останется нерешенным вопросом в истории нашей литературы за неимением прямых библиографических указаний»,⁴⁵ то вопрос о сотрудничестве в «Смеси» Новикова никогда сомнения не вызывал,⁴⁶ и более чем вероятно принадлежность вышеприведенного отзыва именно ему.

Непосредственно после цитированной выше статьи «Опыта» следует заметка еще об одном Василии Петрове, который «был в Московской академии студентом и писал стихи, из коих некоторые напечатаны в московском ежемесячном сочинении „Доброе намерение“, изданном 1764 года. Ныне он дьяконом» (Опыт. С. 163). Единственное указание на то, что статья о Петрове состояла из двух частей и это «было сделано, вероятно, с полемической целью», высказывалось в виде предположения П. Н. Берковым.⁴⁷ Вполне вероятно, что дробление статьи на две части представляло собой понятный современникам выпад против поэта и разделение жизни Петрова на московский и петербургский периоды, возможно, явилось гротескным противопоставлением двух поэтов Петровых (вернее, прошлого и настоящего одного и того же поэта): сына священника, прилежного студента Славяно-греко-латинской академии, участника поэтического кружка разночинных студентов Московского университета, ориентирующихся на творчество

⁴³ *Мартинов И. Ф.* «Опыт исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова. . . С. 189.

⁴⁴ *Смесь.* 1769. Л. 17. С. 132.

⁴⁵ *Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 239; см. также статью В. Д. Рака в настоящем сборнике.

⁴⁶ *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 251.

⁴⁷ Там же. С. 145.

М. М. Хераскова, — с одной стороны; с другой же — официального придворного поэта, «карманного стихотворца» Екатерины II, пожалованного уже к тому времени дворянством. В подобном случае выпад Новикова имел намерение воскресить в памяти читателей начало жизненного пути Петрова (в пользу этого предположения говорит то, что заметка о Петрове — придворном стихотворце помещена без каких-либо биографических сведений). Современники уже забыли об участии Петрова в «Добром намерении», где им было помещено два весьма посредственных стихотворения,⁴⁸ а начало его поэтического творчества связывалось (согласно легенде, распространяемой самим Петровым и прочно вошедшей в историко-литературный обиход) с написанной им по совету Н. Н. Бантыша-Каменского «Одой на великолепный карусель, представленный в Санкт-Петербурге 1766 года», принесшей автору мгновенную известность, расположение Екатерины II, официальное признание лучшим из современных поэтов и прочное положение в свете. Представляется маловероятным незнание Новиковым биографии своего литературного противника; несмотря на неразработанность вопроса о их личных (вне-литературных) взаимоотношениях, укажем на их общего друга Н. Н. Бантыша-Каменского — одного из главных поставщиков историко-литературного материала для «Опыта». Версия об «Оде на великолепный карусель» как отправной точке литературного творчества Петрова, усиленно распространявшаяся им самим на протяжении всей жизни,⁴⁹ привела к тому, что стихи из «Доброго намерения» не вошли в оба собрания его сочинений, каждое из которых (как, впрочем, посмертные публикации стихов Петрова) открывается «Одой на великолепный карусель». Если в первом собрании сочинений Петрова (1771) эти стихи не могли появиться из-за официального характера издания (оно содержало лишь торжественные оды в хронологической последовательности), то отсутствие их в подготовленном вдовой поэта Е. Петровой посмертном собрании его сочинений (1811) (куда вошли такие подчеркнuto неофициальные стихи Петрова, как «На смерть собачки», «На карася», «На гору в родах» и др.) можно рассматривать либо как строгое следование традиционной версии о начале поэтического пути Петрова,⁵⁰ либо (что нам представляется более вероятным) как незнание Е. Петровой всех стихотворных произведений своего мужа (едва ли она была осведомлена о его литературном дебюте на страницах «Доброго намерения»); в пользу

⁴⁸ Описание ненастья // Доброе намерение, 1764. Декабрь. С. 531—532 (подпись: Василий Петров, студент Московской академии); Преложение псалма 85 // Там же. С. 539—540 (подпись: МАС Василий Петров); последнее представляет собой своеобразное соревнование с А. Перепечиным, поместившим переложение того же псалма: *Перепечин А.* Молитва // Там же. Октябрь. С. 447.

⁴⁹ *Петров Я. В.* Жизнь Василия Петровича Петрова // Соревнователь просвещения и благотворительности. 1818. Ч. 1. С. 125.

⁵⁰ *Шляпкин И. А.* Василий Петрович Петров. С. 383.

последнего предположения свидетельствует и то, что хронологический принцип построения в данном издании соблюден не везде, и желавшая издать сочинения покойного мужа с возможной полнотой Е. Петрова могла бы избрать для двух стихотворений место, сохранив при этом первенство «Оды на великолепный карусель». О необходимости пересмотра традиционной точки зрения о начале поэтического пути Петрова писал Л. Г. Барг: «Из зрелости „Оды на карусель“ можно заключить, что ей должны были предшествовать другие стихотворные опыты, но они до нас не дошли».⁵¹

Как уже отмечалось,⁵² возможно, что сатирический смысл имело не столько гротескное противопоставление двух периодов жизни Петрова, сколько крайне обидная для придворного поэта фраза «ныне он дьяконом». Петров осознал характер нанесенной ему обиды и в «Послании к . . . из Лондона» отнес *дьякона* к остальным включенным в «Опыт» людям «подлого» происхождения.⁵³ Сопоставление, тем более обидное для Петрова, что кроме него в «Опыте» упомянуты еще три дьякона — сам же Петров дьяконом никогда не был, а, напротив, духовная карьера его складывалась самым благополучным образом: своими талантами он достиг того, что, еще будучи студентом Славяно-греко-латинской академии, уже был назначен в ней учителем пиитики и риторики. В ту пору подобная практика была обычной лишь для Киевской академии. Во всех же остальных учебных заведениях почти все учительские места находились в распоряжении ее выпускников,⁵⁴ и, чтобы получить преподавательское место, будучи студентом, не связанным с Киевской академией, нужно было быть личностью незаурядной.

Мог ли Новиков не отождествить скромного студента Славяно-греко-латинской академии и блестящего придворного одописца?

Вероятно, мог, если учитывать распространенность подобного ономастического сочетания, перегруженность Новикова трудами в то время и, наконец, гипотезу об «Опыте» как о коллективном произведении (хотя бы на уровне помощи Новикову в расписывании периодики). В пользу этого предположения может также свидетельствовать слабое знакомство Новикова с творчеством сотрудников «Доброго намерения». Так, про С. В. Венецеева сказано, что у него «печатных сочинений нет», в то время как они были напечатаны в том же «Добром намерении»; из сотрудников «Доброго намерения» в «Опыт» не вошли И. Слатвинский, В. Пустовойтов, А. Костровицкий; в статьях о Ф. Г. Карине, М. И. Пермском и С. В. Венецееве не упоминается об их сотрудничестве в «Добром намерении». Привлечение внимания к участию Петрова в данном издании было значимым для Новикова. Следует также

⁵¹ Барг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века: Василий Петров // Учен. зап. каф. лит. и яз. Минского пед. ин-та им. М. Горького. 1940. Вып. 1. С. 71—72.

⁵² Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 594—595.

⁵³ Сочинения В. Петрова. СПб., 1811. Ч. 3. С. 115—116.

⁵⁴ Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

отметить, что почти о всех материалах, помещенных в «Добром намерении», Новиков отозвался достаточно сдержанно. Сочинения А. Перепечина и А. Вершицкого, например, упомянуты вообще без какой-либо оценки, причем про последнего сказано, что он «сочинял разные случайные стихи»; «весьма не худы», «изрядны» и «довольно похваляются» сочинения В. Д. Санковского, но сочинения П. И. Фонвизина просто «изрядны», зато стихи В. Г. Рубана, несмотря на явно «случайный» характер, «заслуживают похвалу».

Могут ли две статьи относиться к двум разным лицам? Подобная точка зрения была высказана Г. П. Макогоненко и П. Н. Берковым при переиздании «Опыта»⁵⁵ (про однофамильца-дьякона там было сказано, что он скончался после 1787 г., но источник данной датировки указан не был), а также в комментарии к вышеприведенным стихам Петрова.⁵⁶ Это предположение объективно подтверждается лишь отсутствием двух стихотворений из «Доброго намерения» в собрании сочинений Петрова — довод достаточно уязвимый, особенно учитывая то, что по словам П. Н. Беркова «самые же стихи таковы, что не оставляют сомнения в принадлежности их В. П. Петрову».⁵⁷ Решающим доводом в пользу данной гипотезы было бы обнаружение сведений о втором поэте Василии Петрове, бывшем в 1764 г. студентом Славяно-греко-латинской академии. В. П. Петров окончил ее одновременно с В. Д. Санковским в 1760 г. — с редактором «Доброго намерения» его связывала многолетняя дружба. Несмотря на предпринятые нами поиски, второго В. Петрова, удовлетворявшего бы искомым требованиям для атрибуции ему двух стихотворений из «Доброго намерения», нам найти не удалось. В историографии русской журналистики вопрос традиционно решается в пользу В. П. Петрова.⁵⁸

Существует также мнение А. Д. Галахова,⁵⁹ согласно которому авторство заметки о Петрове принадлежит не Новикову, а Сумарокову. Тем самым единственный в «Опыте» подчеркнута отрицательный отзыв объясняется недоброжелательным отношением Сумарокова к поэту, в котором современники видели преемника литературного противника Сумарокова. С подобным мнением трудно согласиться прежде всего из-за отсутствия какого-либо документального подтверждения слов Галахова. Следует отметить и беспристрастие, с которым в «Опыте» повествуется о литературной борьбе Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского.

⁵⁵ Новиков Н. И. Избр. соч. С. 334—335.

⁵⁶ Поэты XVIII века. Т. 1. С. 504.

⁵⁷ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 145.

⁵⁸ Неустров А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1875. С. 98—99; Чернышева Т. П. Московский журнал 1764 г. «Доброе намерение» // Вопросы русской литературы. М., 1959. С. 47. (Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Т. 98).

⁵⁹ Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1897. Т. 1. С. 501.

Новиков рассматривал «Опыт» не только как справочное издание, но и как сочинение воспитательное, наполненное примерами для подражания (биографии С. П. Крашенинникова, И. П. Кулибина, М. В. Ломоносова и др.). В творчестве Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского он видел в отличие от современников не их личные распри, а прежде всего то, чем каждый из них обогатил русскую литературу.

Вопрос о воспитательном значении «Опыта» всегда был в центре внимания посвященных ему исследований. Единственное, на что до сих пор не было обращено внимания, — это краткость сообщаемых Новиковым сведений о ряде проповедников елизаветинского времени, среди которых он увидел бы много достойных подражания примеров. Предельно краткие сведения о них были обусловлены исключительно скудостью биографического материала или почти полным его отсутствием даже у таких крупных проповедников, как Петр Гребнецкий, Кирилл Ляшевский, Маркелл Родышевский и загадочный «иеромонах Панкратий» (Чарнуский? — М. Л.), сведения о которых в «Опыте» не выходят за рамки тех, что были сообщены в заглавиях проповедей. Это свидетельствует о незнании в то время Новиковым материалов синодального архива. Между тем сочинения этих авторов Новиков ценил настолько, что закупил в академической книжной лавке остатки тиражей их проповедей и сам распространял их до конфискации у него «сомнительных книг» в 1787 г.⁶⁰

Нравственное воспитание читателей положительными примерами составило одну из важнейших целей «Опыта» Новикова. «Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образованности в своем отечестве».⁶¹ Издание «Опыта» Новиков воспринимал как свой долг перед Россией: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило» (Опыт. С. [11]).⁶²

⁶⁰ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 040, 044—046.

⁶¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 651.

⁶² После сдачи в производство данной статьи издательством «Книга» в конце 1987 г. было осуществлено факсимильное издание «Опыта». В приложении был дан также постатейный комментарий, принципы построения которого (дополнительные сведения о писателе по сравнению с обобщенными в «Опыте») не снимают вопроса о необходимости комметрированного издания «Опыта» с указанием источников сведений Новикова.